

«Новая Газета» № 81, 31 октября 2002 г.

ОТСУТСТВИЕ ПЕРЕГОВОРОВ НА РУКУ ЧЕЧЕНСКИМ РАДИКАЛАМ

И «отморозки», и власть едины в идее устранения Масхадова

Анна ПОЛИТКОВСКАЯ

31.10.2002

НАША СПРАВКА

Ахмед ЗАКАЕВ – 1959 г.р., родился в Казахстане, закончил хореографическое отделение Грозненского культпросветучилища и Воронежский государственный институт искусств, в 1981–1990 гг. – актер Грозненского драмтеатра им. Ханпаши Нурадилова. С 1991 г. – председатель Союза театральных деятелей Чечни и член правления СТД России. С 1994 г. – министр культуры Чечни. С 1995 г. – командующий урус-мартановским фронтом. Позже — бригадный генерал, помощник президента по национальной безопасности, участник делегации по подготовке Хасавюртовских соглашений. В 1997 г. баллотировался в президенты Чечни. Потом – вице-премьер правительства. В марте 2000 г. был ранен и вывезен за пределы Чечни. С 2001 г. — спецпредставитель Аслана Масхадова.

Арест в Дании спецпредставителя Масхадова может поставить точку на переговорном процессе.

Итак, Закаев. Кто такой? Прежде всего человек, который **БЫЛ СПОСОБЕН** вести мирные контакты от имени Масхадова в силу высокого уровня интеллектуального развития. С которым **МОЖНО БЫЛО ГОВОРИТЬ**. Фигура во всех отношениях компромиссная, персона на тот случай, если Россия в лице Кремля пойдет на шаги, которые помогут вывести всех нас из глухого чеченского тупика.

Что нам останется вне Закаева? Что это такое теперь – чеченская военно-политическая верхушка без него? Кто там куда смотрит и к чему стремится?

Как известно, примерно с середины лета 2002 года стала очевидной резкая радикализация этой среды. Стали отходить на второй-третий-десятый план более или менее разумные люди в окружении Масхадова, и первые позиции занял Басаев. Да еще и с дружкой своим Удуговым (с местом жительства в Катаре). Дело усугубилось тем, что Басаев сам себя назначил «главным военным эмиром». Стал грозить «своим» смертной казнью за национал-предательство. И покатилося...

Вскоре басаевская братва принялась отодвигать Закаева на глубокую периферию при Масхадове, а к осени Закаев был и вовсе объявлен Басаевым тем самым национал-предателем, виновным в том, что слишком медленно и неактивно ведет «мирные контакты», что «продался» Москве.

В этот же круг изгоев при Масхадове попал и Ильяс Ахмадов, министр иностранных дел в правительстве Ичкерии. Его, безусловного интеллектуала, басаевцы-удуговцы категорически исключили из числа людей, имеющих доступ к уху ичкерийского президента.

Взяло же верх так называемое поколение «сыновей», активно теперь отодвигающих «отцов» чеченского сопротивления. И именно так мы докатились до «Норд-Оста», до того момента, когда ни с кем и ни о чем уже нельзя было договориться, когда желание умереть и унести чужие жизни «ради идеи» уступило доводам разума, даже если они возникали...

Басаев-младший, а также остальное руководство «разведывательно-диверсионного батальона смертников», пришедшего в Москву, – они как раз из поколения «сыновей», недовольных тем, что Масхадов нерадикален и нереален. От Масхадова, по мнению «сыновей», мало боевых приказов, от него – и денег с гулькин нос. А если что и есть за его спиной, так президентство, с которым все более переставало считаться даже ближайшее масхадовское окружение.

Вот это, подобное: «К черту Масхадова! Мы будем вести свою войну!» я слышала неоднократно в течение этого позднего лета и ранней осени... И жила в сентябре с ощущением – надо же спешить. Надо ГОВОРИТЬ... Иначе будет не с кем. И станет непоправимо поздно...

И вот тогда тот же вопль: «К черту ВАШЕГО Масхадова!» я услышала вновь уже в совершенно не располагающей ни к каким разговорам обстановке, 25 октября, в пяти шагах от зала, где ждали своей страшной смерти несколько сотен человек, которым выпало несчастье расплачиваться за все сразу – и за вторую чеченскую войну, такую, как она получилась, и за ее тупые методы фактической репродукции терроризма, и за катастрофическое отсутствие стратегической политической мысли в Кремле, и за плен идеологических догм, и за преступную работу

отечественных спецслужб, в который раз прошляпивших трагедию, прошляпивших не случайно, а ЗАКОНОМЕРНО, от элементарного своего незнания и непонимания среды, против которой воюют...

«Сыновья», пришедшие в Москву в октябре, погибли. А сколько осталось? Тех, кто единственным своим смыслом определил мщение? Которым Масхадов – бревно, лежащее на пути?..

Сотни. Они – камикадзе, они – во власти идеи: уложить свои жизни ради остановки войны... Крыло, которое берет верх в Чечне, сулит нам лишь потоки невинной крови в будущем, жизнь от одного теракта до другого и полный отказ Кремля даже вслушиваться в разговоры о мирном федерально-чеченском процессе, и без того вялотекущем. Все более предсказуемой становится и судьба Масхадова: с одной стороны, он обязан выбрать оголтелый радикализм «сыновей», иначе он его самого просто-напросто сметет (история пошла вразнос), и причем очень скоро.

С другой стороны, фактическое превращение «Масхадова в Басаева», происходящее на наших глазах, уведет всех нас во все более глубокую самоубийственную пропасть. Шанс мирного урегулирования сейчас, после трагедии конца октября, утерян, Кремль и слышать об этом не хочет. И теперь нам предстоит сделать в сотни раз большие интеллектуальные усилия, чтобы все-таки сесть за стол переговоров, даже несмотря на то, что единственная их цель – самосохранение. От убежденных в своей загнанности. От обреченных жить изгоями среди нас. От готовых умереть, унося с собой столько жизней, сколько сами и захотят, — только чтобы доказать, что мы равня.